

Социальная эффективность политических режимов — имеет ли значение демократия?¹

Александр Николаевич Королёв,

старший научный сотрудник Школы публичной политики имени Ли Куан Ю, Национальный университет Сингапура, Сингапур; старший научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, Москва.

E-mail: akorolev@nus.edu.sg

Известно, что демократизация часто воспринимается как главный шаг на пути к социально эффективному государству. Цель данной статьи — продвигаться в понимании влияния характера политического режима на его социальную эффективность, под которой понимается степень удовлетворения государством базовых социальных нужд населения. В отличие от предыдущих исследований, которые измеряли агрегированный эффект демократии, в данной работе рассматриваются два ключевых компонента — конкуренция элит за власть и общественное участие — и проверяется их относительное влияние на удовлетворение базовых социальных нужд общества. Кросс-национальные статистические тесты показывают, что влияние демократии вовсе неоднозначно: общественное участие оказывает позитивный эффект, тогда как высокий уровень межэлитной конкуренции оказывает скорее негативное воздействие на социальную эффективность государства. В представленной статье обосновывается необходимость пересмотра следующих ключевых вопросов: что такое демократия, как её можно измерить и какой могла бы быть идеальная модель демократии. Попытка «проникнуть внутрь» и узнать, какие аспекты режимов могут повлиять на улучшение социального благосостояния, а какие нет, предполагает новое прочтение самой сути демократизации, её этапов и, главное — первоначальных шагов к демократии. Особого внимания требует анализ роли таких компонентов последней, как выборная конкуренция и политическое участие.

Ключевые слова: демократия, демократизация, базовые нужды, конкуренция, политическое участие, социальная эффективность.

The social effectiveness of political regimes — does democracy matter?

Alexander Korolev, National University of Singapore, Singapore, Singapore;
Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: akorolev@nus.edu.sg.

¹ Основные теоретические положения, а также похожая стратегия анализа были ранее разработаны и опубликованы автором в статье [23].

Democratization is routinely perceived as the main step toward a socially effective state. The goal of this paper is to enhance understanding of the political regime's impact on social effectiveness, understood as a degree of satisfaction of the population's basic social needs. In contrast to previous studies, which explored democracy's aggregate impact, this paper disintegrates democracy into two key components — competition and participation — and explores the relative impact of each on social basic needs. Cross-national statistical tests demonstrate that democracy's impact is not clear-cut: while public participation in politics has a positive impact on basic needs, the impact excessive inter-elite competition on states' social effectiveness is rather negative. The article is focused on the rationale for revisiting the such "huge" questions as what democracy is, how can we measure it, and what kind might have been the ideal model of democracy. The attempts to get inside and find out — which aspects of political regimes could exert the impact for improving the social wellbeing, but which could not, means a new interpretation of the essence of the democratization.

Keywords: democracy, democratization, basic needs, competition, participation, social effectiveness

ВВЕДЕНИЕ

Какой тип режима наиболее эффективно удовлетворяет базовые нужды своих граждан? На первый взгляд, ответ очевиден: демократия должна лучше обеспечивать социальное благосостояние, чем недемократические режимы. Это убеждение только усилилось после «третьей волны демократизации», когда к нормативной самооценности демократии добавилась убежденность в том, что демократизация это ещё и инструмент повышения благосостояния общества. Имеется множество эмпирических исследований, доказывающих позитивный эффект воздействия демократии на различные показатели социального благополучия, такие как качество здравоохранения, образования, продолжительность жизни и др. [2, 3, 10, 11, 13, 14, 23, 24, 27, 28, 31, 33, 38, 41, 46, 52, 55]. Таким образом, исследования показывают, что демократии справляются с задачами удовлетворения базовых нужд населения лучше, чем недемократии. Логика здесь проста: демократические институты, например конкурентные выборы, создают стимулы для политических лидеров удовлетворять запросы общества, что обеспечивает более высокое качество социальных услуг. И, напротив, в недемократиях у политиков отсутствует мотивация принимать эти запросы всерьёз.

Однако существуют причины сомневаться в этой устоявшейся точке зрения. Во-первых, есть количественные исследования, выявляющие слабость или отсутствие связей между демократией и социальными результатами. Например, Уилльямсон показал, что в развивающихся странах демократия не влияет на физическое качество жизни [53]. Уид обнаружил, что демократия не имеет практически никакого полезного воздействия на

индекс развития человеческого потенциала (HDI) и продолжительность жизни [51]. Гаури и Кхалегхиан выяснили, что за исключением очень бедных стран, демократии демонстрируют меньший уровень иммунизации населения, чем автократии [12]. Кифер, изучая страны с низким доходом, обнаружил, что бедные демократии выдают те же результаты, что и бедные недемократические страны в плане общедоступности начального образования и ряда показателей физического здоровья [20]. Мак-Гир изучал младенческую и детскую смертность и тоже пришёл к неоднозначным выводам о влиянии демократии [27, 28, 29]. Росс, в свою очередь, заключил, что обнаруживаемая корреляция между демократизацией и снижением младенческой смертности является результатом несовершенных статистических расчётов, которые систематически упускают из внимания недемократические режимы с хорошими показателями [39].

Вторым поводом для сомнения являются тенденции изменения индикаторов человеческого благополучия в мире. Касательно уровня младенческой смертности Беларусь, например, не хуже Швейцарии (4 и 4,1 смертей на тысячу родившихся соответственно); Объединённые Арабские Эмираты опережают Соединённые Штаты (6,1 и 6,5 соответственно); а Куба расположилась рядом с Великобританией (4,6 в обеих странах). Индекс развития человеческого потенциала Казахстана выше, чем в Бразилии (0,745 и 0,718), а Китай намного опережает Индию (0,687 и 0,547). Мировые тенденции также показали, что все государства, независимо от характера их политического режима, значительно продвинулись в своём социальном развитии за последние десятилетия. К лидерам относятся Китай, Индонезия и Южная Корея. Значительный прогресс отмечен в Непале, Омане, Тунисе, Эфиопии, Ботсване, Бенине и Буркина-Фасо [45]. Южная Корея, Сингапур, пореформенный Китай и Тайвань, бывшая Югославия, Шри-Ланка, Коста-Рика, Куба и иные страны были способны значительно улучшить показатели в течение короткого времени, несмотря на разницу в общей демократичности их политических режимов.

Итак, неоднозначность результатов академических исследований и мировые тренды социального развития ставят под сомнение теорию о том, что демократические режимы неизменно показывают лучшие социальные результаты. Это наталкивает на мысль, что на самом деле влияние демократии гораздо сложнее, чем это видится в существующих теориях, а именно: разные измерения демократии могут иметь различное, даже противоположное, влияние на социальную эффективность государств. Это значит, что видимое совокупное влияние демократии может скрывать разнонаправленное воздействие её составных компонентов.

Действительно, существующие на сегодняшний день исследования, как правило, используют агрегированные индексы демократии (например, Polity III или IV, шкалы Freedom House или индекс демократии Боллена), которые сводят в единый индекс очень разные характеристики, такие как свобода слова и регуляторные способности государства. Такая аналитическая стратегия имеет смысл, только когда наверняка известно, что

все параметры политического режима, собранные в индексе, взаимодействуют со знаком плюс, генерируя влияние на реагирование государства на базовые социальные нужды общества. В противном случае такие суммарные индексы непродуктивны, поскольку они не позволяют исследователям разглядеть воздействие отдельных элементов политического режима. Что если при проведении государством социальной политики аспекты демократии «тянут» в разных направлениях и не все из них способствуют отзывчивости государства на базовые потребности населения?

Настоящее исследование пересматривает значение влияния демократии на социальные результаты. Основной вопрос в этой связи заключается не в том, хорошо или плохо демократия сказывается на результатах соцразвития, а в том, какие её аспекты способствуют улучшению этих показателей, а какие нет. В сущности, проверяется отдельное влияние двух основных параметров процессуальной демократии — политической конкуренции и политического участия. Если демократические государства действительно демонстрируют лучшие социальные результаты, то чем это обусловлено — конкуренцией или участием? Каково их влияние на социальную эффективность государства? В работе показано, что только один параметр — общественное участие в политическом процессе — способствует улучшению социальных показателей. Чрезмерная же конкуренция между элитами может помешать осуществлению политики, ориентированной на удовлетворение базовых социальных нужд. Этот вывод позволяет сделать важные рекомендации для стран переходного периода.

В первой части данной работы поднимается проблема относительного влияния конкуренции и участия на удовлетворение базовых социальных нужд. Во второй части разрабатывается аналитическая стратегия и рассматриваются статистические тесты. Разбор начинается с регрессионного анализа связей между исследуемыми переменными в одной временной точке и продолжается проверкой полученных показателей методом регрессионного анализа временных рядов. В третьей части представлены результаты анализа, тогда как четвёртая часть предлагает их теоретическое объяснение. Последняя, пятая часть суммирует выводы.

КОНКУРЕНЦИЯ, УЧАСТИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Согласно демократической теории Роберта Даля любой политический режим, в той или иной степени, можно охарактеризовать двумя измерениями — политическим соперничеством (*contestation*) и включённостью масс в политический процесс (*inclusiveness*) [7]. В самом деле, первое подразумевает политическую конкуренцию и оппозиционность, а последнее — участие общественности в политической жизни. Согласно Далю эти два параметра, хотя и взаимодействуют, могут меняться независимо друг от друга. При этом, как показано ниже, их относительное воздействие на отзывчивость государства на базовые нужды населения до конца не понято.

Политическая конкуренция и социальные результаты

Конкурентные выборы по праву считаются основным механизмом, заставляющим власть реагировать на социальные требования. Борьба за голоса избирателей заставляет конкурирующие за власть элиты обращать внимание на проблемы благополучия граждан. Однако этому, на первый взгляд очевидному утверждению есть мало доказательств. И вопрос о природе влияния политической конкуренции на удовлетворение властью базовых социальных нужд можно считать открытым.

Гинсберг, например, показывает, что авторитарные государства со слабыми силовыми структурами порой превосходят демократии с выборной конкуренцией по крайней мере по одному показателю социального благополучия. Он демонстрирует, что затраты конкурентных демократий на здравоохранение и образование ниже, чем в авторитарных режимах с ограниченной способностью принудительного подавления общественных беспорядков. Предвыборная борьба, таким образом, ограничивает политическое влияние масс [15]. Согласно Киферу одержимость политиков максимизацией количества голосов в молодых демократиях ведёт к расходам на удовлетворение потребностей организованных и влиятельных групп интересов, а не на широкие социальные программы, направленные на повышение общего благополучия населения [20]. Мак-Гир же считает, что предвыборные стимулы даже в зрелом демократическом государстве не всегда способствуют обеспечению социальных гарантий. Так, один из кандидатов на пост губернатора штата Миссисипи (США) участвовал в выборах в ноябре 2003 г. с программой, усложняющей получение бесплатной медицинской помощи нуждающимися слоями населения. Тем не менее этот кандидат одержал победу, несмотря на то, что большое количество жителей Миссисипи, имеющих право голосовать на выборах, бедные. В результате последовавших нововведений младенческая смертность среди афроамериканцев в штате значительно возросла. Таким образом, механизмы конкурентной демократии временами приводят к власти людей, выступающих с программами, которые идут вразрез с базовыми социальными нуждами [27, с. 308]. Шведский учёный Бо Ротштайн сравнивает Ямайку и Сингапур, которые были схожи по ряду параметров социального благополучия до провозглашения независимости, но стали абсолютно разными после. Согласно индикаторам конкурентности предвыборной борьбы, Ямайка всегда была впереди Сингапура. Однако это не помогло ей достичь удовлетворительных социальных результатов. Страна безнадежно отстаёт от Сингапура в плане процветания, снижения уровня бедности и стандартных показателей здоровья населения. Наличие высокого уровня конкуренции, таким образом, не обеспечило реагирование политического режима на базовые социальные нужды общества [39].

Эти наблюдения ставят под сомнение роль конкуренции в формировании политического стимула для улучшения социальной эффективности. С чем же тогда связана часто наблюдаемая корреляция демократии

и социальной эффективности: с политической конкуренцией или с более мощным позитивным эффектом других параметров демократии, которые подавляют негативное влияние конкуренции? Противоречивость наблюдений требует проведения систематических исследований влияния конкуренции на реагирование государства на базовые социальные нужды.

Политическое участие и социальные результаты

Политическое участие — это вторая основная характеристика политических режимов, находящаяся в центре демократической теории. Однако влияние участия на социальные результаты также неоднозначно.

Основная форма участия (голосование на выборах), как правило, положительно коррелируется с удовлетворением властью базовых социальных нужд. В Аргентине, например, где сокращение младенческой смертности шло медленно, участие бедных слоёв в выборах было ограничено. В результате этого конкурирующие политические партии отзывались на потребности среднего класса и некоторых сегментов рабочего класса, которые активно голосовали на выборах, оставляя наименее обеспеченных граждан без внимания. В Коста-Рике начала 1970-х гг., напротив, степень участия среди бедных была выше, чем среди богатых и, видимо, по этой причине правительство страны осуществило ряд реформ здравоохранения, нацеленных именно на бедные слои, что гарантировало заметный спад уровня младенческой смертности [27, р. 65—145].

Что касается других форм политического участия, то их влияние на социальные результаты менее ясно. С одной стороны, есть подтверждение положительного влияния. В работе Вона о социальных реформах в Корее и на Тайване, например, показано, что демократизация в конце 1980-х — начале 1990-х гг. привела там к включению ряда новых участников в ранее закрытый политический процесс, что существенно расширило дискурс социального благосостояния и спровоцировало соответствующие реформы. В 1989 г. в Корее и в 1995 г. на Тайване изначально узкие программы социальных гарантий были расширены и фактически стали покрывать всё население [54, р. 8—10].

Тем не менее существует свидетельство того, что участие в политической жизни может и препятствовать реагированию государства на базовые социальные нужды. Мак-Гир отмечает, что в Аргентине активное участие городских рабочих, студентов университетов и других представителей среднего класса, имеющих больше ресурсов для этого, оккупировало внимание политической элиты, которая удовлетворяла их требования в ущерб нуждам бедных сельских слоёв и населения городских трущоб. В результате правительству страны удавалось избегать критики в СМИ. Аналогично в Бразилии в 1970-х гг. активное политическое участие трудовых организаций и профессиональных ассоциаций заставляло руководство страны удовлетворять запросы этих групп, но игнорировать наиболее уязвимые слои населения, нуждающиеся в базовых медицинских услугах, т.к.

требования первых часто шли вразрез с нуждами вторых [27, р. 145, 180]. Участие сравнительно состоятельных групп общества, таким образом, препятствовало удовлетворению базовых нужд наиболее бедных слоёв.

Если политическое участие, подобно конкуренции, может привести к противоречивым результатам с точки зрения социальной эффективности, какой вывод можно сделать об относительных ролях этих двух параметров демократии? Даль, создавший двухмерную концепцию демократии (*полиархию* в его терминологии), утверждал, что участие и конкуренция могут представлять собой независимые параметры демократизации, понимаемой автором как движение к «отзывчивой политической системе» (*responsive polity*). Это означает, что режим может оставаться без изменений по одному параметру или меняться в противоположном направлении по другому [7, р. 4—8]. Это указывает на важность оценки *отдельного* влияния каждого из параметров. В реальности в большинстве существующих режимов баланс конкуренции и участия неодинаков: где-то сильнее выражена одна сторона, а где-то другая. Но какой элемент — конкуренция или участие — важнее для повышения отзывчивости режима на базовые социальные нужды? Какому из них следует уделять больше внимания на ранних стадиях демократизации, чтобы не нанести ущерб благосостоянию широких масс населения? Чтобы ответить на эти вопросы, в приведённой ниже аналитической модели конкуренция и участие представлены как две отдельные независимые переменные.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ИЗМЕРЕНИЯ

Используемая в данной работе аналитическая стратегия включает два этапа: регрессионный анализ с различными индикаторами социального развития в одной временной точке, а также регрессионный анализ длинных временных рядов с фиксированным условием, где младенческая смертность взята в качестве показателя уровня удовлетворения базовых социальных нужд. Первый этап представляет собой информативный предварительный тест с различными социальными индикаторами, но для которых нет достоверных данных временного ряда. Второй же этап — это более надёжный тест теоретических связей между переменными, минимизирующий случайные корреляции посредством значительного увеличения выборки за счёт временных рядов, но только с теми индикаторами, для которых есть достаточные данные за последние десятилетия.

Итак, модель первого этапа включает в себя три группы независимых переменных, влияющих на социальные индикаторы (рис. 1). Первая группа — это основные исследуемые переменные, т.е. конкуренция и участие. Поскольку задачей является выяснить их относительное влияние, обе переменные включаются в модель отдельно, а не как агрегированный индекс. Для того чтобы изолировать эффект конкуренции и участия, необходимы контрольные переменные. Следовательно, вторая группа состоит из социально-экономических и демографических переменных с вероят-

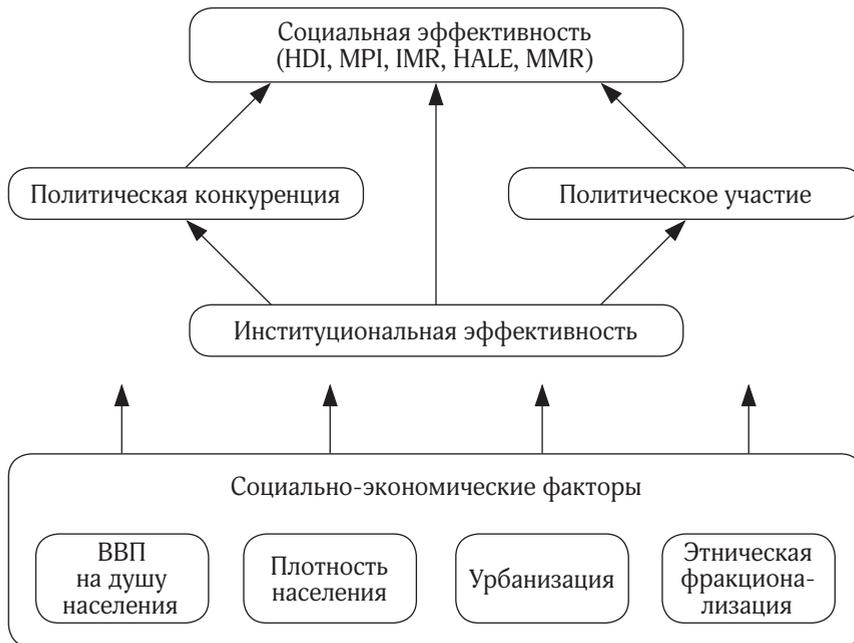


Рис. 1. Регрессионная модель анализа

ным эффектом на социальные результаты. Третья же группа включает индикаторы институциональной эффективности государственной власти. Используется обычный метод наименьших квадратов множественного регрессионного анализа. Выборка включает в себя развивающиеся и развитые страны и варьируется от 89 до 147 стран в 2010 г. в зависимости от доступности данных².

Зависимая переменная — социальная эффективность

Использовано пять взаимозаменяемых количественных выражений зависимой переменной — социальной эффективности, понимаемой как степень удовлетворения базовых социальных нужд. К ним относятся *индекс развития человеческого потенциала* (HDI), *многомерный индекс бедности* (MPI), *уровень младенческой смертности* (IMR) (общее количество смертей в возрасте до одного года на 1000 родившихся за определённый год), *продолжительность здоровой жизни* (HALE) (среднее количество

² Выборка варьируется в зависимости от доступности данных. Например, такой социальный показатель, как многомерный индекс бедности (MPI) охватывает только развивающиеся страны, тем самым уменьшая размер выборки в моделях, где MPI появляется в качестве зависимой переменной. То же касается и индекса институциональной эффективности Бертельсмана, который не применим к развивающимся странам. Замещение различных индексов позволяет усилить надёжность модели. В свою очередь, включение в модель как развитых, так и развивающихся стран позволяет максимизировать варьирование рассматриваемых переменных, что тоже даёт возможность лучше протестировать исследуемую гипотезу.

лет, которое человек проживает в «полном здравии», исключая года болезни или травмы) и *показатель материнской смертности* (MMR) (количество смертей матерей во время родов за определённый период времени на 100 000 деторождений).

Несмотря на то, что эти показатели измеряют различные социальные результаты, все они выражают степень удовлетворения «базовых социальных нужд». Более того, все показатели хорошо коррелируют друг с другом и демонстрируют схожие характеристики в плане зависимости от ВВП на душу населения, скорости и модели изменения. Их взаимозамещение не компрометирует модель и результаты анализа и в то же время является одним из способов проверки надёжности полученных результатов, т.к. используются различные источники данных и способы эмпирической операционализации зависимой переменной.

Исследуемые независимые переменные: конкуренция и участие

Индикаторы конкуренции и участия взяты из индекса полиархии (Polyarchy), разработанного финским политологом Тату Ванханеном (также индекс Ванханена) [48, 49]. Этот индекс основан на демократической теории Даля и измеряет демократию с помощью двух индикаторов: конкуренции и участия. Конкуренция выражается как процент голосов, отданных всем партиям, за вычетом самой популярной партии на парламентских или президентских выборах (в зависимости от политической системы той или иной страны) и рассчитывается вычетом процента голосов самой популярной партии из 100 процентов. Такой подход позволяет измерить интенсивность предвыборной межпартийной борьбы. Участие измеряется фактической явкой на выборы. Оно рассчитывается как процент от общего числа населения. Уровень участия в выборах указывает на степень участия электората в политике. Если в выборах задействовано лишь меньшинство, то такое участие ограничивается наиболее активным слоем населения. И наоборот, чем шире уровень участия, тем выше степень вовлечения народа в политику³.

Вероятно, эти приближённые индексы процессуальной демократии не могут в полной мере отразить столь сложные явления политической жизни, как конкуренция и участие. Показатель конкуренции не учитывает в необходимой мере отличия избирательных систем, что может сказаться на долях меньших партий. Кроме того, не принимаются во внимание различия в структуре партий. Показатель участия, в свою очередь, не берёт в расчёт варьирование возрастной структуры населения. С учётом того, что процент взрослого населения в развитых стра-

³ См. Введение. Манускрипт данных индекса Ванханена для подробной информации о процедурах кодирования // WWW.PRIO.ORG: сайт Института исследований проблем мира в Осло. URL: <https://www.prio.org/Data/Governance/Vanhanens-index-of-democracy/Polyarchy-Dataset-Manuscript/> (дата обращения: 10.06.2016).

нах выше, различия степени участия в выборах между богатыми и бедными странами могут оказаться преувеличенными⁴.

Тем не менее автор считает, что отсутствие безупречных баз данных, содержащих отдельные шкалы конкуренции и участия, не означает, что этот вопрос не должен изучаться политологами. Цель анализа, таким образом, заключается в привлечении внимания к необходимости исследования относительного влияния отдельных компонентов демократии (возможно, не только конкуренции и участия) на социальную эффективность в надежде, что другие исследователи, используя более совершенные индексы, в будущем либо подтвердят, либо оспорят результаты данной работы.

Стоит также подчеркнуть и преимущества шкал полиархии в контексте данного исследования. Во-первых, в отличие от многих других индексов демократии, которые агрегируют очень разные параметры политических систем, индекс полиархии состоит из простых, но одновременно наиболее важных компонентов демократии, позволяющих легко отделить политический режим от других элементов государства. Это даёт возможность избежать размывания границ между типом режима (демократия/недемократия) и другими факторами (эффективность институтов власти, уровень коррупции, культурные ценности и т.д.) и обеспечивает простоту и прозрачность определения причинно-следственных связей [32, р. 54; 6].

Во-вторых, используемые индикаторы более объективны. Многие существующие комплексные индексы демократии субъективны, т.е. их значения часто указываются согласно субъективным суждениям экспертов, а не измеряются посредством наблюдений. Это порождает сомнительные оценки. Например, согласно популярному индексу полития (Polity) США имеют максимальный возможный балл +10 за период с 1845 по 1849 гг., несмотря на существование рабства в стране и отсутствие права голоса у женщин. Подобным же образом Южная Африка с её расовой сегрегацией набрала +7 баллов с 1910 по 1987 гг., что выше, чем показатель Чили за период с 1964 по 1998 гг. (+6) и Аргентины за период с 1990 по 1998 гг. Оценки «Дома свободы» (Freedom House) также были подвергнуты критике за их предрасположенность к американскому либертарианскому пониманию демократии [4, 32, 50]. В индексе полиархии, напротив, индикаторы как конкуренции, так и участия основаны на объективных источниках, таких как количественные данные о выборах, свободных от субъективного суждения экспертов.

В-третьих, что особенно важно для данной работы, все другие индексы демократии усложняют анализ независимого влияния участия, поскольку не уделяют ему должного внимания. Как было замечено, «то, что многие считают характерной чертой демократических обществ, а именно, размах

⁴ Сам Ванханен отмечает, что в экстремальных случаях такое расхождение может составлять около 10—15 процентных пунктов. Более подробно с процедурами кодирования можно ознакомиться здесь: Манускрипт данных индекса Ванханена для подробной информации о процедурах кодирования // WWW.PRIO.ORG: сайт Института исследований проблем мира в Осло. URL: <https://www.prio.org/Data/Governance/Vanhanens-index-of-democracy/Polyarchy-Dataset-Manuscript/> (дата обращения: 24.09.2015).

и характер участия населения в выборах, либо полностью отсутствует, либо недооценивается при определении степени демократии» [16, р. 376]. «Дом свободы», несмотря на отсылку при определении политических прав к «праву всех взрослых голосовать», по какой-то причине исключает этот аспект из списка политических прав, вошедших в количественный индекс [40]. Аналогично индекс Боллена, несмотря на подчёркивание важности всеобщего права голоса, исключает его из своих атрибутов. Следствием таких упущений является то, что в результате количественных исследований возможна либо недооценка влияния демократии на социальные результаты, либо неверная трактовка такого влияния [30, р. 3]. Индекс полиархии устраняет эти проблемы, поскольку включают в себя участие, хотя и в минималистском понимании, и измеряет объём фактического участия, а не просто право на него.

В-четвёртых, согласно индексу полиархии участие и конкуренция обозначают два *независимых* параметра и могут использоваться отдельно, что также важно для настоящего исследования [47, р. 262]. Более того, параметры конкуренции и участия, согласно Ванханену, не являются ни избыточными, ни высоко коррелированными, в то время как корреляция компонентов других индексов демократии достигает 0,95, как в случае с «Домом свободы», что говорит о дублировании и избыточности компонентов индекса. Корреляция между участием и конкуренцией в полиархии составляет всего 0,251, что указывает на разумность отделения этих индикаторов друг от друга (рис. 2).

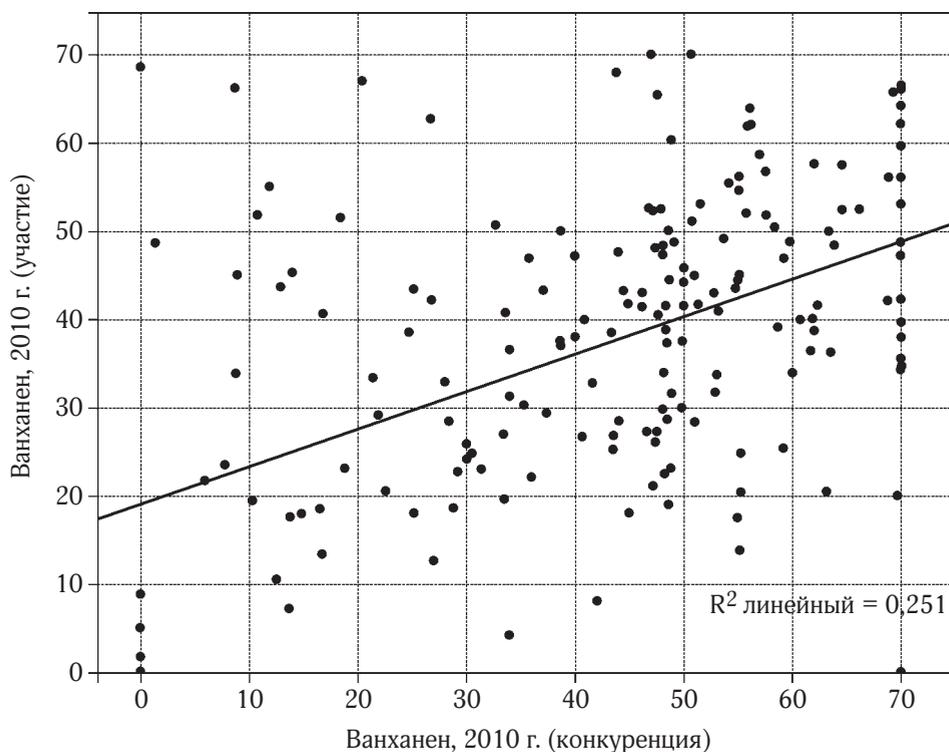


Рис. 2. Корреляция значений участия и конкуренции в индексе Ванханена

Контрольные переменные

Необходимо прояснить логику включения институциональной эффективности государственной власти в качестве контрольной переменной. Цель данного исследования — изучение влияния политического режима, понимаемого как «форма правления», а не «степень правления» [17, р. 1]. Различие между «государством» и его возможностями с одной стороны и «режимом» с другой аналитически оправдано, поскольку вопросы эффективности государства и государственной власти логически первостепенны по отношению к вопросам, касающимся природы политических режимов [36, р. 13]. Эффективность, или «инфраструктурная мощь» [25], служит основой любого успешного государства, будь то демократия или автократия, поскольку является необходимым условием для поддержания общественного порядка. Коррупция, а также слабые регулятивные и административные возможности неизбежно приведут к мисаллокации ресурсов во всех типах режимов. Было продемонстрировано, например, что показатели затрат на здравоохранение коррелируют с понижением уровня смертности населения только в странах с эффективными государственными учреждениями [37]. Эффективность государства также может определить работу демократических механизмов, особенно способы участия людей в политической жизни и типы методов, используемых политиками для завоевания голосов. В свете этих обстоятельств при любой попытке понять независимое влияние элементов режима необходимо проконтролировать воздействие эффективности государственной власти.

В качестве индикаторов эффективности использованы такие переменные, как *смертность в результате умышленных убийств* (незаконное намеренное умерщвление одного человека другим на 100 000 населения), демонстрирующая степень монополии государства на насилие, а также размер *теневой экономики*, показывающий способность государства обеспечивать исполнение экономических регуляций. Данные для первой переменной взяты из статистики Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC). Данные для второй переменной — из работы Шнайдер, Буен и Монтенегро «Теневая экономика в мире: Новые оценки по 162 странам», они включают в себя денежный рынок, рынок труда, а также состояние официальных экономических показателей для оценки размера и тенденции развития теневой экономики [43]. Выбор этих индикаторов продиктован озабоченностью по поводу объективности многих индексов эффективности государства, основанных на суждениях экспертов, например, индекса государственной эффективности Всемирного банка⁵.

⁵ Для более детального анализа проблем, связанных с субъективными (экспертными) индексами эффективности государственных институтов, см.: Popov V. Developing New Measurement of State Institutional Capacity. PONARS Eurasia Policy Memo, no. 158, May, 2011.

Модель также содержит четыре социально-экономические и демографические контрольные переменные. Во-первых, *ВВП на душу населения*, который является одним из самых важных факторов, определяющих показатели смертности и здоровья [35]. Следовательно, для изоляции других переменных подушевой ВВП необходимо контролировать. Показатели ВВП взяты из данных Всемирного банка и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Во-вторых, *плотность населения*, которая также может влиять на социальные показатели: большая плотность может упростить оказание и использование, например, базовых медицинских услуг, не только потому, что это инфраструктурно проще, но и потому, что информация о социальных проблемах граждан распространяется быстрее в более населённых районах (данные о плотности населения взяты из оценки численности населения Всемирным банком). Аналогично *урбанизация* предполагает улучшение жилищных условий, а также инфраструктуры, облегчающей оказание социальных услуг. Кроме того, она влияет на организацию социальной и культурной среды, улучшает социальное взаимодействие и меняет структуру занятости (индекс урбанизации взят из данных демографического отдела ООН). *Этнолингвистическая фракционализация* включена в состав контрольных переменных, поскольку установлено, что социальную политику сложнее осуществлять в этнически разделённых регионах [9]. Высокий уровень этнических противоречий препятствует эффективному внедрению социальной политики даже в высокоиндустриальных странах [1]. Данные для этой переменной взяты из работы А. Алесина и др. «Фракционализация» [1].

Регрессионный анализ с использованием временных рядов

При переходе к статистической модели с использованием временных рядов некоторые переменные отбрасываются в связи с отсутствием данных. Теперь зависимой переменной выступает натуральный логарифм младенческой смертности IMR, который регрессируется на индексы политической конкуренции, участия, ВВП на душу населения (натуральный логарифм) и уровень урбанизации, для которых есть достоверные данные за период 1960—2012 гг. Получившаяся выборка варьируется от 184 до 185 стран, но за счёт временных рядов количество наблюдений значительно возрастает и находится между 6980 и 7288. Как развитые, так и развивающиеся страны были включены с целью максимизации варьирования значений переменных. Модель также была протестирована без временного лага и с лагом независимых переменных в один и два временных периода с целью защитить анализ от эндогенности X:Y.

Анализ также включает в себя фиксированное условие по времени (т.е. контроль за возможным влиянием самого временного ряда на результаты) и по стране/наблюдению (т.к. контроль за страновыми особенностями). Введение фиксированного условия по стране представляет

собой статистический приём дополнительного контроля случайных факторов, которые неизбежны в кросс-страновых статистических моделях и могут скомпрометировать результаты. Логика проста: поскольку невозможно проконтролировать все факторы-характеристики стран, которые оказывают воздействие на зависимую переменную, результаты анализа могут слабо отражать воздействие основных исследуемых независимых переменных. Введение фиксированного условия вводит дополнительные автоматически генерируемые статистической программой контрольные переменные, которые стирают страновые идиосинкразии, влияющие как на зависимые, так и на независимые переменные. То же самое можно сказать и о фиксированном условии по времени. Повторяющееся наблюдение какого-либо параметра отдельной страны не является независимым друг от друга, и существуют причины полагать, что часть вариации значений во временном ряде является функцией общих тенденций или иных временных факторов. Это как раз случай с показателями младенческой смертности, которые являются относительно стабильными во времени и в статистической модели могут обладать значительной каузальной силой, которая может повлиять или даже стереть воздействие других факторов. Эти явления должны учитываться через функцию контроля вариативности во времени⁶.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты первого этапа анализа представлены в таблицах 1–5, а второго этапа — с использованием временных рядов — в таблице 6. В таблицах 1–5 схожий набор соответствующих контрольных и независимых переменных применён к различным показателям базовых социальных нужд за 2010 г: индексу развития человеческого потенциала (табл. 1), многомерному индексу бедности (табл. 2), продолжительности здоровой жизни (табл. 3), уровню младенческой смертности (табл. 4) и показателю материнской смертности (табл. 5). Базовая модель, исключая конкуренцию и участие, представлена в столбцах 1–3, 2–3, 3–3, 4–3, 5–3, тогда как полная модель со всеми переменными в 1–4, 2–4, 3–4, 4–4, и 5–4. В таблице 6 представлены результаты регрессионного анализа с использованием временных рядов без и с лагами независимых переменных для проверки устойчивости результатов. Во всех таблицах указанные коэффициенты являются стандартизированными бета-коэффициентами, показывающими пропорциональный вклад каждой независимой переменной в объяснение вариации зависимой переменной при сохранении постоянства всех других факторов.

Для проверки мультиколлинеарности использовался фактор инфляции вариативности — Variance Inflation Factor (VIF), обозначающий

⁶ Современные статистические программы, такие как STATA, позволяют легко проводить эти операции, задавая необходимые функции через интерфейс программы.

Таблица 1

Конкуренция, участие и HDI

	1—1	1—2	1—3	1—4
Зависимая переменная →	HDI	HDI	HDI	HDI
ВВП на душу населения	0,687*** (11,25)	0,304*** (5,73)	0,266*** (4,25)	0,208*** (3,41)
Плотность населения		-0,033 (0,76)	-0,039 (0,89)	-0,016 (0,38)
Урбанизация		0,507*** (9,72)	0,499*** (9,61)	0,475*** (9,61)
Этническая фракционализация		-0,300*** (6,60)	-0,273*** (5,84)	-0,214*** (4,60)
Смертность в результате убийств			-0,094** (1,99)	-0,085* (1,89)
Теневая экономика			-0,032 (0,56)	-0,052 (0,95)
Политическое участие				0,184*** (3,47)
Политическая конкуренция				0,021 (0,43)
Количество наблюдений	144	144	144	144
R-квадрат	0,471	0,748	0,757	0,785
VIF (макс.)	1,00	1,56	2,21	2,34

Значимость: * < 10%; ** < 5%; *** < 1%. Абсолютное значение t-статистики в скобках. VIF относится к фактору инфляции дисперсии.

Таблица 2

Конкуренция, участие и MPI

	2—1	2—2	2—3	2—4
Зависимая переменная →	MPI	MPI	MPI	MPI
ВВП на душу населения	-0,510*** (5,69)	-0,242*** (2,78)	-0,224** (2,46)	-0,209** (2,42)
Плотность населения		0,095 (1,10)	0,102 (1,16)	0,158* (1,87)
Урбанизация		-0,381*** (4,19)	-0,379*** (4,10)	-0,282*** (3,07)
Этническая фракционализация		0,356*** (4,19)	0,338*** (3,84)	0,322*** (3,82)
Смертность в результате убийств			0,058 (0,72)	0,057 (0,74)
Теневая экономика			0,037 (0,46)	0,061 (0,80)
Политическое участие				-0,214*** (2,68)
Политическая конкуренция				-0,127 (1,63)
Количество наблюдений	94	94	94	94
R-квадрат	0,260	0,501	0,506	0,572
VIF (макс.)	1,00	1,47	1,51	1,67

Значимость: * < 10%; ** < 5%; *** < 1%. Абсолютное значение t-статистики в скобках. VIF относится к фактору инфляции дисперсии.

Таблица 3

Конкуренция, участие и HALE

	3—1	3—2	3—3	3—4
Зависимая переменная →	HALE	HALE	HALE	HALE
ВВП на душу населения	0,617*** (9,35)	0,256*** (4,02)	0,178** (2,40)	0,114 (1,56)
Плотность населения		-0,008 (0,15)	-0,020 (0,38)	0,004 (0,81)
Урбанизация		0,440*** (7,03)	0,430*** (6,99)	0,404*** (6,80)
Этническая фракционализация		-0,339*** (6,23)	-0,296*** (5,33)	-0,237*** (4,23)
Смертность в результате убийств			-0,126** (2,26)	-0,125** (2,31)
Теневая экономика			-0,089 (1,30)	-0,107* (1,63)
Политическое участие				0,149** (2,33)
Политическая конкуренция				0,080 (1,35)
Количество наблюдений	144	144	144	144
R-квадрат	0,381	0,638	0,658	0,689
VIF (макс.)	1,00	1,56	2,21	2,34

Значимость: *<10%; **<5%; ***<1%. Абсолютное значение t-статистики в скобках. VIF относится к фактору инфляции дисперсии.

Таблица 4

Конкуренция, участие и IMR

	4—1	4—2	4—3	4—4
Зависимая переменная →	IMR	IMR	IMR	IMR
ВВП на душу населения	-0,730*** (12,73)	-0,419*** (7,70)	-0,350*** (5,45)	-0,287*** (4,68)
Плотность населения		-0,033 (0,75)	-0,023 (0,53)	-0,047 (1,13)
Урбанизация		-0,342*** (6,40)	-0,333*** (6,36)	-0,308*** (6,18)
Этническая фракционализация		0,336*** (7,23)	0,298*** (6,29)	0,238*** (5,09)
Смертность в результате убийств			0,115** (2,43)	0,113** (2,50)
Теневая экономика			0,076 (1,30)	0,094* (1,71)
Политическое участие				-0,154*** (2,88)
Политическая конкуренция				-0,073 (1,47)
Количество наблюдений	144	144	144	144
R-квадрат	0,533	0,736	0,752	0,783
VIF (макс.)	1,00	1,56	2,21	2,34

Значимость: *<10%; **<5%; ***<1%. Абсолютное значение t-статистики в скобках. VIF относится к фактору инфляции дисперсии. Натуральный логарифм был применён к младенческой смертности, чтобы привести связи между переменными к линейному виду.

Таблица 5

Конкуренция, участие и MMR

	5—1	5—2	5—3	5—4
Зависимая переменная →	MMR	MMR	MMR	MMR
ВВП на душу населения	-0,686*** (11,34)	-0,363*** (6,22)	-0,292*** (4,36)	-0,246*** (3,69)
Плотность населения		0,010 (0,21)	0,021 (0,46)	0,005 (0,10)
Урбанизация		-0,352*** (6,13)	-0,341*** (6,19)	-0,319*** (5,91)
Этническая фракционализация		0,364*** (7,30)	0,313*** (6,29)	0,261*** (5,12)
Смертность в результате убийств			0,182*** (3,67)	0,185*** (3,80)
Теневая экономика			0,053 (0,86)	0,065 (1,09)
Политическое участие				-0,120** (2,03)
Политическая конкуренция				-0,061 (1,10)
Количество наблюдений	147	147	147	147
R-квадрат	0,470	0,692	0,723	0,742
VIF (макс.)	1,00	1,57	2,26	2,37

Значимость: *<10%; **<5%; ***<1%. Абсолютное значение t-статистики в скобках. VIF относится к фактору инфляции дисперсии. Натуральный логарифм был применён к материнской смертности, чтобы привести связи между переменными к линейному виду.

Таблица 6

Конкуренция, участие и IMR (анализ временных рядов)

Зависимая переменная	IMR	IMR	IMR (IV_lag1)	IMR (IV_lag1)	IMR (IV_lag2)	IMR (IV_lag2)
Политическая конкуренция	0,0012*** (5,66)	0,0007*** (3,86)	0,0009*** (4,80)	0,0006*** (3,24)	0,0007*** (3,73)	0,0005** (2,47)
Политическое участие	-0,0029*** (13,45)	-0,0020*** (9,39)	-0,0029*** (13,12)	-0,0020*** (9,23)	-0,0028*** (12,85)	-0,0020*** (9,05)
ВВП на душу населения		-0,2689*** (45,42)		-0,2648*** (44,97)		-0,2592*** (44,11)
Урбанизация		-0,0013** (2,29)		-0,0014** (2,53)		-0,0015*** (2,73)
Количество наблюдений	7956	7288	7813	7135	7667	6980
Количество стран	185	184	185	184	185	184
Скорректированный R-квадрат (общий)	0,2224	0,7311	0,2197	0,7302	0,2179	0,7278
Период выборки	1960—2012	1960—2012	1960—2012	1960—2012	1960—2012	1960—2012

Значимость: *10%; **<5%; ***<1%. Абсолютное значение t-статистики приведено ниже в скобках. IV_lag1 обозначает лаг независимых переменных на один временной период; IV_lag2 обозначает лаг независимых переменных на два временных периода.

степень увеличения стандартных ошибок из-за коллинеарности. Считается, что VIF выше пяти является признаком нежелательной мультиколлинеарности [19]. В таблицах представлены максимальные значения VIF. В большинстве случаев они намного меньше предельной отметки, это свидетельствует о том, что мультиколлинеарность не является проблемой и нет дублирующих или избыточных переменных.

Результаты анализа влияния социально-экономических факторов и институциональной эффективности государственной власти в большинстве случаев соответствуют интуиции. Подушевой ВВП является самым мощным фактором, определяющим уровень удовлетворения базовых социальных нужд в обществе, что во многом соответствует логике и результатам предшествующих исследований [35]. Этническая фракционализация демонстрирует ожидаемую сильно негативную корреляцию при $p < 0,01$, что не удивительно, поскольку дискриминация и коммуникационные барьеры, как последствия фракционализации, приводят к ухудшению качества социальных услуг, неравному доступу к таким услугам и, как следствие, к негативным социальным результатам. Урбанизация также имеет ожидаемое положительное соотношение с уровнем удовлетворения базовых нужд. Плотность населения при этом не имеет статистически значимого коэффициента корреляции, что говорит о противоречивости её влияния на благополучие масс. Видимо, поскольку бедность связана, помимо прочих вещей, с перенаселением, большая плотность может при определённых обстоятельствах мешать улучшению социальных результатов. Что же касается эффективности институтов власти, то результаты тоже не противоречат интуиции. Тем не менее следует признать, что измерить эффективность непросто и выбранные индикаторы небезупречны. Хотя статистически значимые корреляции говорят о том, что государственной эффективностью при исследовании влияния политического режима на социальные результаты пренебрегать не стоит.

Главным открытием анализа является то, что во всех моделях политическая конкуренция оказывается не связанной с социальными результатами, тогда как влияние участия оказывается сильным, положительным, статистически значимым и устойчивым во всех моделях, независимо от выбранного индекса социальных результатов. Политическая конкуренция имеет очень низкие бета-коэффициенты, значение которых даже не на уровне $p < 0,1$. Этот результат подтверждает предположение о том, что разные компоненты демократии имеют различное влияние на социальную эффективность.

Проведённый анализ говорит о том, что есть причины сомневаться в положительном влиянии политической конкуренции на реагирование власти на базовые нужды населения и что, возможно, различные параметры демократии могут иметь разнонаправленное воздействие. Для более надёжной проверки этого предположения, приведём результаты регрессионного анализа с использованием временных рядов с выборкой данных для периода с 1960 по 2012 гг., где за зависимую переменную был

взят натуральный логарифм уровня младенческой смертности. В таблице 6 приведён результат без лага независимых переменных (колонки 2 и 3), с лагом в один временной период (колонки 4 и 5) и с лагом в два временных периода (колонки 6 и 7). Во всех моделях конкуренция появляется со статистически значимым положительным знаком ($p < 0,01$), что в случае IMR (чем меньше, тем лучше) означает, что высокий уровень межэлитарной конкуренции ассоциируются с более высокой младенческой смертностью. Участие в политике, в свою очередь, демонстрирует сильную и значительную отрицательную взаимосвязь (в большинстве случаев $p < 0,001$), которая говорит о том, что режимы, предполагающие активное участие масс в политическом процессе, имеют лучшие показатели IMR. Результаты не меняются после включения в модель натурального логарифма душевого ВВП и уровня урбанизации (которые также оказались значимыми и с предполагаемым знаком коэффициента корреляции). Следовательно, удовлетворение базовых нужд населения во многом предопределено участием масс в политическом процессе, тогда как конкуренция элит за власть может препятствовать отзывчивости власти на базовые нужды и иметь нежелательные последствия для социальных результатов. Это заключение имеет большое значение для теории демократии и требует внимательной теоретизации.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ

Для объяснения положительного влияния политического участия на удовлетворение базовых нужд общества и отсутствие такового или же негативный эффект в случае с конкуренцией необходимо понять концепцию «базовых социальных нужд» как целей публичной политики. Тогда станет ясно, что отзывчивость политического режима на эти нужды противоречит логике стимулов, задаваемых выборной конкуренцией, в то время как участие такой логике не противоречит и, следовательно, имеет позитивный эффект.

Во-первых, базовые нужды изменяются медленно, и политика, направленная на их удовлетворение, приносит результаты тоже постепенно⁷. По сравнению с общественными «настроениями», «мнениями», «желаниями», на которых часто основываются озвучиваемые гражданами политические требования и которые характеризуются неустойчивостью и изменчивостью по ряду причин, базовые нужды, такие как физическое здоровье, свобода от недоедания, продолжительность жизни, остаются постоянными в течение длительного периода. Следовательно, в случае с отзывчивостью на базовые нужды важна постановка долгосрочных задач, что не вполне соответствует той модели политических реакций, которая задаётся для политиков мотивами предвыборной борьбы. В то же

⁷ Более подробный анализ концепции «отзывчивости режима» на «базовые нужды» в сравнении с «желаниями» разработана в статье А. Королёва [22].

время, поскольку результаты политики, направленной на удовлетворение базовых нужд, материализуются медленно (здравоохранение не может быть улучшено за один день), то вероятно, что её осязаемые электоратом блага придутся уже на долю других политиков в отдалённом будущем. В такой ситуации политические конкуренты с ограниченным сроком пребывания в должности, стремящиеся заполучить как можно больше голосов «здесь и сейчас», лишены мотивации для инвестирования времени, ресурсов и своей политической репутации в улучшение объективных социальных результатов. С точки зрения победы на выборах выгоднее сосредоточиться на краткосрочных популистских проектах.

Во-вторых, базовыми нуждами, в отличие от «желаний», нельзя манипулировать и их не получается удовлетворить символически. Нужды невозможно спровоцировать искусственно за счёт внешних манипуляций, что отличает их от мнений и желаний, которые можно формировать информационными кампаниями или пропагандой, особенно в таких сложных вопросах, как социальные реформы. Манипулирование уводит желания и предпочтения и, следовательно, артикулируемые требования масс от объективных базовых нужд. В условиях политической конкуренции охотники за голосами избирателей должны реагировать на озвучиваемые запросы, чтобы иметь популярность и выигрывать на выборах. Если же желания населения не отражают его базовых нужд, что часто происходит, конкуренция вынуждает политиков реагировать на эти желания в ущерб нуждам.

В-третьих, базовые нужды часто бывают менее заметными, а потому могут оставаться за рамками популярного общественно-политического дискурса. Для того, чтобы демократическая подотчётность (accountability) работала, электорат должен уметь идентифицировать существующие нужды и возлагать на политиков ответственность соответственно. Хотя это может прозвучать как банальное утверждение о неосведомлённости избирателей и отсутствии у них информации, в реальном мире распространены ситуации, когда запросы общества не совпадают с мерами, необходимыми для улучшения социальных результатов. Проблема осложняется ещё и тем, что уязвимые группы населения обычно в меньшей степени, чем другие группы, способны артикулировать свои нужды и в наименьшей степени могут оценить качество предоставляемых им услуг. Под давлением предвыборной борьбы у политиков нет интереса переубеждать общество, вскрывая существующие «нужды»: это не всегда популярно. Больше политических дивидендов можно получить, отзываясь на ярко выраженные требования, даже если известно, что такая политика не будет способствовать удовлетворению базовых нужд.

В этом отношении политическое участие обладает важными характеристиками, которые делают его воздействие на реагирование режима на базовые нужды положительным. Участие выполняет обучающую функцию, поскольку граждане узнают о социальных потребностях именно посредством участия. Как ранее считалось, если граждане будут привносить

в политический процесс только свои собственные корыстные интересы, а не интересы более широкой общественности, социальное благо серьёзно пострадает. Участие может научить граждан считаться с общим благом, а не со своими узкими интересами. Как утверждал Милл, когда корыстные люди привлекаются к участию в действиях, напрямую влияющих на интересы страны, познаются т.н. «гражданские добродетели», а эти люди получают знания [30].

Участие в политике может выступать оптимизатором разрозненных индивидуальных предпочтений. Это позволяет участвующим узнавать об интересах и ожидаемых последствиях политик для «всех других задействованных людей» [8, р. 112]. Обучающая роль участия заключается в его важном «конструктивном аспекте», когда через него происходит концептуализация и восприятие нужд [44, р. 153]. Участие — это процесс обучения, расширяющий границы восприятия экономической и социальной жизни, а также общественного дискурса. Следовательно, это способ добиться сближения субъективных желаний и объективных потребностей общества. Через участие люди могут узнать о «нуждах», мерах, направленных на их удовлетворение, о потенциальном влиянии этих политик, и формулировать требования соответствующим образом. Это также способствует правильному распределению ответственности за результаты политической деятельности между теми или иными лидерами. Таким образом, участие способствует формированию политического курса, направленного на удовлетворение базовых нужд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Широко распространено мнение о том, что демократизация начинается с конкурентных выборов. На сегодняшний день, однако, присутствует разочарование в социальной эффективности демократических государств «третьей волны» [5], и некоторые учёные стали предполагать, что между демократизацией, с одной стороны, и улучшением социальных результатов, с другой, есть некоторое противоречие [34]. Настоящая работа — это попытка продвинуться в этой дискуссии и предложить практические советы для менее «болезненного» процесса демократизации.

Если и демократия, и другие цели, например снижение уровня младенческой смертности или улучшение иных социальных результатов, являются желательными, то основной вопрос заключается в том, как осуществить демократизацию так, чтобы не снизить уровень удовлетворения базовых нужд. Для этого нам необходимо знать механизмы, через которые демократия влияет на социальные результаты. Так, зная о различном влиянии параметров демократии на базовые социальные нужды, можно решить практические вопросы перехода к демократии и предложить стадийное и последовательное преобразование политической системы. Оно предполагает ускорение прогресса в одних направлениях и на-

меренное замедление в других вместо одновременного «удара по всем флангам», при условии веры в самоценность демократии в её популярном понимании. Такой более нюансный подход к политическим реформам может сделать желанный переход плавным и уменьшить его издержки. Тот факт, что безудержная политическая конкуренция фактически препятствует улучшению социальных результатов, тогда как участие способствует их улучшению, означает, что, возможно, демократизацию нужно начинать с мер, нацеленных на стимулирование различных форм участия, а не на усиление политической конкуренции любыми способами.

С теоретической точки зрения, знание того, что конкуренция может нанести вред, оказывая негативное влияние на реагирование режима на базовые нужды, проливает новый свет на очевидно неоднозначные результаты предшествующих исследований, связывающих демократию, измеренную как агрегированный показатель, с различными социальными индикаторами. Другими словами, необходимо основательно пересмотреть существующие теоретические положения о роли демократии в повышении благосостояния масс — с акцентом на «многомерный подход» с учётом результатов данного исследования. Появляется необходимость по-новому взглянуть на следующие вопросы: что такое демократия, как её можно измерить и какой могла бы быть идеальная модель демократии, если такая вообще существует. Попытка «проникнуть внутрь» и узнать, какие аспекты режимов могут повлиять на улучшение социального благосостояния, а какие нет, требует критического взгляда на саму суть демократизации и демократии, особенно на роль таких её компонентов, как выборная конкуренция и политическое участие.

REFERENCES

1. Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization. *Journal of economic growth*, 2003, vol. 8, pp. 155—194. (In Eng.)
2. Besley T., Kudamatsu M. Health and democracy. *American economic review*, 2006, vol. 96(2), pp. 313—318. (In Eng.)
3. Boix C. Democracy, Development and the public sector. *American journal of political science*, 2001, vol. 45, pp. 1—17. (In Eng.)
4. Bollen K.A., Paxton P. Subjective measures of liberal democracy. *Comparative political studies*, 2000, vol. 33, pp. 58—86. (In Eng.)
5. Carothers T. The end of the transition paradigm. *Journal of democracy*, 2002, vol. 13 (1), pp. 5—21. (In Eng.)
6. Cheibub J.A., Gandhi J., Vreeland J.R. Democracy and dictatorship revisited. *Public choice*, 2010, vol. 143, pp. 67—101. (In Eng.)
7. Dahl R.A. *Polyarchy: participation and opposition*. New Haven, CT, Yale University Press Publ., 1971, 257 p. (In Eng.)
8. Dahl R.A. *Democracy and its critics*. New Haven, CT, Yale University Press Publ., 1989, 397 p. (In Eng.)
9. Easterly W., Levine R. Africa's growth tragedy: policies and ethnic divisions. *Quarterly journal of economics*, 1997, vol. 111 (4), pp. 1203—1250. (In Eng.)

10. Franco Á., Álvarez-Dardet C., Ruiz M.T. Effect of democracy on health: ecological study. *British medical journal*, 2004, vol. 329, pp. 1421—1423. (In Eng.)
11. Frey S.R., Al-Roumi A. Political democracy and the physical quality of life. *Social indicators research*, 1999, vol. 47, pp. 73—97. (In Eng.)
12. Gauri V., Khaleghian P. Immunization in developing countries. *World development*, 2002, vol. 30 (12), pp. 2109—2132. (In Eng.)
13. Gerring J., Thacker S.C., Alfaro R. Democracy and human development. *Journal of politics*, 2011, vol. 74 (1), pp. 1—17. (In Eng.)
14. Ghobarah H.A., Huth P., Russett B. Comparative public health: the political economy of human misery and well-being. *International studies quarterly*, 2004, vol. 48, pp. 73—94. (In Eng.)
15. Ginsberg B. *The Consequences of consent: elections, citizen control and popular acquiescence*. Reading Mass., Addison-Wesley Publ., 1982, 271 p. (In Eng.)
16. Gleditsch K.S., Ward M.D. Double take: re-examining democracy and autocracy in modern polities. *Journal of conflict resolution*, 1997, vol. 41, pp. 361—83. (In Eng.)
17. Huntington S.P. *Political order in changing societies*. New Haven, CT, Yale University Press Publ., 1968, 488 p. (In Eng.)
18. Jacobs L.R., Skocpol T. *Health care reform and american politics, what everyone needs to know*. New York, Oxford University Press Publ., 2010, 221 p. (In Eng.)
19. Judge G.R., Hill C., Griffiths W., Lütkepohl H., Lee T.C. *Introduction to the theory and practice of econometrics*. New York, John Wiley & Sons Publ., 1988, 1024 p. (In Eng.)
20. Keefer P. Clientelism, credibility, and the policy choices of young democracies. *American journal of political science*, 2007, vol. 51 (4), pp. 804—821. (In Eng.)
21. Khaleghian P. Decentralization and public services: The case of immunization. *Social science and medicine*, 2004, vol. 59, pp. 163—183. (In Eng.)
22. Korolev A. Needs/wants dichotomy and regime responsiveness. *Critical review*, 2015, vol. 27 (1), pp. 23—48. (In Eng.)
23. Korolev A. Regime responsiveness to basic needs: a dimensional approach. *Studies in comparative international development*, 2015, doi: 10.1007/s12116-015-9209-z. (In Eng.)
24. Lake D.A., Baum M.A. The invisible hand of democracy. *Comparative political studies*, 2001, vol. 34 (6), pp. 587—621. (In Eng.)
25. Lena H.F., London B. The political and economic determinants of health outcomes: a cross-national analysis. *International journal of health service*, 1993, vol. 23, pp. 585—602. (In Eng.)
26. Mann M. Infrastructural power revisited. *Studies in comparative international development*, 2008, vol. 43, pp. 355—365. (In Eng.)
27. McGuire J.W. Basic health care provision and under-5 mortality: a cross-national study of developing countries. *World development*, 2005, vol. 34 (3), pp. 405—425. (In Eng.)
28. McGuire J.W. *Wealth, health, and democracy in East Asia and Latin America*. New York, Cambridge University Press Publ., 2010, 405 p. (In Eng.)
29. McGuire J.W. Political regime and social performance. *Contemporary politics*, 2013, vol. 19 (1), pp. 55—75. (In Eng.)
30. Mill J.S. *Considerations on representative government*. Buffalo, NY, Prometheus Publ., 1991, 365 p. (In Eng.)
31. Moon B.E. et al. Voting counts: participation in the measurement of democracy. *Studies in comparative international development*, 2006, vol. 41 (2), pp. 3—32.
32. Moon B.E., Dixon W.J. Politics, the state, and basic human needs: a cross-national study. *American journal of political science*, 1985, vol. 29 (4), pp. 661—694.
33. Munck G.L., Verkuilen J. Conceptualizing and measuring democracy: evaluating alternative indices. *Comparative political studies*, 2002, vol. 33 (1), pp. 5—34.

34. Navia P., Zweifel T.D. Democracy, dictatorship and infant mortality revisited. *Journal of democracy*, 2003, vol. 14, pp. 90—103.
35. Popov V., Polterovich V. Democratization, quality of institutions and economic growth. *TIGER working paper*, Warsaw, 2007, no. 102, pp. 11—45. (In Eng.)
36. Pritchett L., Summers L.H. Wealthier is healthier. *Journal of human resources*, 1996, vol. 31 (4), pp. 841—868. (In Eng.)
37. Przeworski A. and group on east-south systems transformations. *Sustainable democracy*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1995, 141 p. (In Eng.)
38. Rajkumar A.S., Swaroop V. *Public spending and outcomes: does governance matter?* World Bank policy research working paper 2840. Washington DC, World Bank, 2002, p. 30
39. Ross M. Is democracy good for the poor? *American journal of political science*, 2006, vol. 50 (4), pp. 860—874.
40. Rothstein B. *The quality of government: corruption, social trust, and inequality in international perspective*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 2011, 304 p. (In Eng.)
41. Ryan J.E. Survey methodology. *Freedom review*, 1994, vol. 25 (1), pp. 9—13. (In Eng.)
42. Safaei J. Is democracy good for health? *International journal of health services*, 2006, vol. 36, pp. 767—786. (In Eng.)
43. Schneider F., Buehn A., Montenegro C.E. New estimates for the shadow economies all over the world. *International economic journal*, 2010, vol. 24 (4), pp. 443—461. (In Eng.)
44. Sen A.K. *Development and Freedom*. New York, Alfred A. Knopf Publ., 1999, 336 p. (In Eng.)
45. Shandra J.M., Nobles J., London B., Williamson J.B. Dependency, democracy, and infant mortality: a quantitative, cross-national analysis of less developed countries. *Social science and medicine*, 2004, vol. 59, pp. 321—33.
46. UNDP. *Human development report, 2010*. Available at: <http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2010/> (accessed 02.09.2015). (In Eng.)
47. Vanhanen T.A. New dataset for measuring democracy, 1810—1998. *Journal of peace research*, 2000, vol. 37, pp. 251—265. (In Eng.)
48. Vanhanen T. A. *Polyarchy dataset — measures of democracy 1810—2002*. Unpublished manuscript. Helsinki, University of Helsinki, 2002. Available at: <https://www.prio.org/Data/Governance/Vanhanens-index-of-democracy/Polyarchy-Dataset-Manuscript/> (accessed: 11.08.2016). (In Eng.)
49. Vanhanen T.A. *Measures of democracy 1810—2012*. Finnish social science data archive, 2010. Available at: https://services.fsd.uta.fi/catalogue/FSD1289?tab=description&lang=en&study_language=en (accessed 25.03.2015). (In Eng.)
50. Vreeland J.A. *Continuous schumpeterian conception of democracy*. Nashville, Tennessee, March 21—23, 2003. Available at: http://faculty.georgetown.edu/jrv24/continuous_democracy.pdf (accessed 02.09.2015). (In Eng.)
51. Weede E. The impact of democracy or repressiveness on the quality of life, income distribution and economic growth rates. *International sociology*, 1993, vol. 8 (2), pp. 177—195. (In Eng.)
52. Wickrama K.A.S., Mulford C.L. Political democracy, economic development, disarticulation, and social well-being in developing countries. *The sociological quarterly*, 1996, vol. 37 (3), pp. 375—390. (In Eng.)
53. Williamson J.B. Social security and physical quality of life in developing nations: a cross-national analysis. *Social indicators research*, 1987, vol. 19 (2), pp. 205—227. (In Eng.)
54. Wong J. *Healthy democracies: welfare politics in Taiwan and South Korea*. Ithaca, NY, Cornell University Press Publ., 2004, 209 p. (In Eng.)
55. Young F.W. Do some authoritarian governments foster physical quality of life? *Social indicators research*, 1990, vol. 22 (4), pp. 351—366. (In Eng.)